

Руслан Рейзаевич КАРДАНОВ,

начальник кафедры организации
правоохранительной деятельности
Северо-Кавказского института повышения
квалификации (филиала) Краснодарского
университета МВД России (г. Нальчик)
ruslan-nalchik@yandex.ru

КРИМИНАЛЬНЫЕ ТАТУИРОВКИ КАК ЧАСТНЫЙ ОБЪЕКТ КРИМИНОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ ЛИЧНОСТИ ПРЕСТУПНИКА

CRIMINAL TATTOOS AS A PRIVATE OBJECT OF CRIMINOLOGICAL RESEARCH OF A CRIMINAL IDENTITY

В статье рассматривается такой частный объект криминологического изучения личности преступника, как криминальные татуировки, роль которых в получении информации о субъектах преступной деятельности сложно переоценить, поскольку устойчивые, несмываемые нательные рисунки, символы и надписи позволяют проводить идентификационные и диагностические экспертные исследования. Криминологические знания, умения и навыки, направленные на понимание символики и значения татуировок, важны для расследования и раскрытия уголовных дел, а также для профилактики преступности в целом, поскольку позволяют не только идентифицировать конкретного индивида, но и найти подход в общении с ним, определить его прошлое, занимаемый статус в криминальном мире и сферу деятельности, что в конечном счете способствует повышению эффективности противодействия преступности.

The article considers such a private object of criminological study of a criminal identity as criminal tattoos, the role of which in obtaining information about the subjects of criminal activity is difficult to overestimate, since stable, indelible body drawings, symbols and inscriptions allow to carry out identification and diagnostic expert research. Criminological knowledge, skills and abilities aimed at understanding the symbolism and meaning of tattoos, important for the investigation and solution of criminal cases, as well as for the crime prevention in general, since they allow not only to identify a particular individual, but also to find an approach in communicating with him, determine his past, status in the criminal world and scope of activity, which ultimately contributes to increasing the effectiveness of crime counteraction.

Ключевые слова: татуировки, особые приметы, противодействие преступности, криминальная субкультура, идентификация, преступные группировки, личность преступника.

Keywords: *tattoos, distinctive marks, crime counteraction, criminal subculture, identification, criminal gangs, criminal identity.*

Решение идентификационных и криминологических задач, связанных с отождествлением и установлением личности преступника, при осуществлении профилактики преступлений, в процессе их раскрытия

и расследования требует комплексного использования всей имеющейся информации об анатомо-морфологических, функциональных и сопутствующих элементах внешности, с обязательным использованием сведений об

особых приметах (заметных признаках) облика правонарушителя [1].

Потребность в самовыражении реализуется различными способами, среди которых на сегодняшний день широкую популярность приобрели татуировки – перманентные рисунки на теле, являющиеся неотъемлемым инструментом идентификации человека. Татуировки традиционно являются значимым объектом криминологического исследования личности преступника, поскольку выступают важным источником сведений как об особенностях внешнего вида и личности ее носителя, так и о его социальном окружении, в том числе о принадлежности к определенному статусу в преступном мире.

Появление и развитие татуировок как явления характерно для криминальной, тюремно-лагерной субкультуры. Криминальная субкультура – это прежде всего совокупность альтернативных по отношению к традиционной культуре норм и ценностей, которые часто могут быть выражены в форме натальной живописи, то есть татуировок как отличительных знаков и ориентирующих символов для представителей преступного общества. Криминальная субкультура выступает в качестве инструмента интегрирующего криминальную среду, в том числе посредством татуировок. Именно в рамках криминальной субкультуры постепенно формировались соответствующие правила, а натальные картинки стали признаваться как орудие коммуникации и дифференциации, изобретались новые символы и особые, часто неприметные, но важные детали рисунка [2]. Ведь, как справедливо отмечают А.С. Сергиенко и П.В. Тепляшин, «наказание создает образ несправедливого общества, включая его ценности и установки. Образовавшаяся ниша заполняется образами и вполне реальной организацией «справедливого» пенитенциарного пространства. Появляется моральная основа для культивирования соответствующих правил криминальной субкультуры» [13, с. 101].

Итак, представляется возможным рассматривать криминальные татуировки как частный объект криминологического исследования личности преступника.

В первую очередь необходимо обратиться к субкультуре в местах лишения свободы, поскольку именно данное явление отрицает официальные моральные принципы и нормы, негативно воздействует на личность осужденного, стимулирует девиантное поведение, предстает механизмом противодействия процессу исполнения наказания. Криминальная субкультура способна радикально трансформировать восприятие социальной иерархии, общественной и государственной системы. По этой причине она предусматривает нанесение татуировки в целях выделения и поощрения начинающих преступников и многоопытных «героев» криминального мира. Татуировки могут быть использованы и как своеобразные санкции для провинившихся преступников, что чаще всего происходит в местах лишения свободы.

Впервые на распространение специфических татуировок среди сторонников криминальной субкультуры обратил внимание Ч. Ломброзо, указывая, что татуировки тесно связаны с умственными способностями их носителей, к числу которых относил прирожденных преступников. В качестве примера он приводит высказывания осужденных: «Татуировка для нас как фрак с орденами: чем больше татуированный, тем больший авторитет имеешь среди приятелей, тогда как не татуированный, напротив, не имеет влияния» [8].

В контексте криминальной субкультуры татуировки выполняют ряд взаимосвязанных функций:

- коммуникативно-идентификационную, обеспечивающую своеобразную форму идентификации «своих» и «чужих» и установление доверительного общения для представителей преступного мира;
- адаптивно-психологическую, облегчающую представителям криминального мира процесс вхождения в ранее незнакомые им преступные группы или тюремные сообщества;
- агитационную, обеспечивающую вовлечение в преступную среду молодежи посредством создания «красивых» мифов о воровских сообществах и романтизации преступной жизни;

– ценностно-эстетическую, создающую предпосылки для внедрения в сознание носителей татуировок определенных художественных ценностей, предпочтений и представлений о красоте.

Уголовная татуировка является одновременно и знаковой системой общения, и средством стигматизации и украшения. Так, например, в криминальной субкультуре восьмиконечные звезды являются символами, указывающими на авторитетность преступника; изображение герба символизирует известность данного лица во всех регионах Российской Федерации. У лидеров преступных групп часто встречается татуировка кинжала, воткнутого в голову, на правой ноге и «колокольчика» на левой.

В контексте влияния криминальной субкультуры на динамику уголовной тату-символики следует отметить одну значимую тенденцию, наметившуюся в последние годы: в отношении к татуировкам все более отчетливо отражается борьба традиционалистских и реформаторских групп в преступном мире. Традиционалисты отстаивают «чистоту и неизблемость» воровских законов, что находит отражение в их отношении к правилам нанесения татуировок на тело. Реформаторы преступного мира, напротив, легко приспосабливают эти законы к потребностям сегодняшнего дня, учитывая изменившуюся в стране социальную обстановку. В итоге у многих членов преступных сообществ татуировки уже не полностью соответствуют ранее установленным «воровским законам», даже если они в целом их соблюдают и чтут [12].

В научной литературе к настоящему времени накопилось немало сведений о значении и роли татуировок в преступном сообществе и ряд достаточно эффективных подходов к классификации и определению уголовной символики татуировок. Татуировки характеризуются как «наглядное хроническое клеймо судимости», их символика связана непосредственно с процессом формирования различных преступных типов личности в местах лишения свободы [5].

В настоящее время подавляющее большинство лиц, осужденных к лишению свобо-

ды и находящихся в исправительных учреждениях, имеют на теле татуировки, причем количество нательных символов криминальной тематики увеличивается с возрастанием числа судимостей. При этом уголовные татуировки чаще встречаются среди лиц мужского пола и наиболее характерны для отбывающих наказание в исправительных колониях строгого и особого режима.

Основными мотивами, которые преследуют лица, наносящие на тело уголовную тату-символику, являются: неписаное правило принятия в криминальную субкультуру, стремление к почестям, тщеславность, следование негласным традициям, приверженность ценностям преступного мира и др.

Анализ изображений на телах представителей криминальных групп позволил современным экспертам выделить ряд наиболее распространенных видов информации, которую можно получить посредством трактовки скрытых или открытых всем значений и смыслов:

- о месте и времени отбывания наказания;
- о судимости (судимостях) и составе преступления, за которые осужден;
- о положении лица в преступной среде;
- об основных интересах и сферах деятельности;
- информация, раскрывающая отношение к жизни и окружающим;
- о близких связях, эстетических вкусах;
- информация, раскрывающая скрытые намерения и наклонности.

Такие идентификационные свойства татуировок, как индивидуальность, относительная устойчивость, сопротивляемость изменениям, наглядность, рефлекторность, выделяемые в научной литературе [10], служат целям идентификации личности преступника. Индивидуальность татуировок заключается в совокупности уникальных свойств, присущих каждому нестираемому элементу на теле, – форма, размер, расположение, цвет, качество выполнения работы и прочие внешние характеристики образуют комплекс элементов, формирующих конкретный рисунок, представляющий собой «формулу», по которой происходит отождествление конкретного

лица. Относительная устойчивость характеризуется неизменностью татуировки на протяжении длительного времени – она сохраняется на теле человека даже после его гибели.

В результате исследования татуировок с учетом их фиксированных смысловых значений можно получить большой объем криминологически значимых сведений персонифицированного характера: от конкретных значимых для личности дат до личных качеств и индивидуальных культурных ценностей. Даже если татуировки не нанесены в строгом соответствии с воровскими традициями, они могут нести важную информацию об определенных психологических особенностях и социальных установках личности потерпевшего, подозреваемого или уже осужденного преступника. Многие татуировки на теле имеют уникальный характер, личностно-окрашенную и биографически обусловленную символику. Кроме того отдельные, совсем незначительные на первый взгляд изображения на теле человека, могут «говорить» о нем гораздо больше, чем объемные, но скорее чисто декоративные композиции на других участках тела.

Иными словами, все татуировки могут нести весьма значимую информацию о личностных особенностях и преступных установках их носителя [7]. Эта информация может быть использована как экспертами, следователями, так и сотрудниками пенитенциарных заведений. Так, татуировка может стать весомым доказательством в уголовных делах по ст. 210.1 УК РФ, предусматривающей ответственность за занятие высшего положения в преступной иерархии, как это произошло в деле Ш.Т. Озманова, которому 7 октября 2020 г. Московским городским судом вынесен обвинительный приговор. Учитывая, что указанная статья действует чуть менее четырех лет, а практика ее применения лишь начинает складываться и наблюдается увеличение количества осужденных по данной статье (в 2020 г. – 8 осужденных, за 1 полугодие 2022 г. – 7), можно прогнозировать востребованность дальнейших методических разработок в данном направлении в целях расширения соответствующих идентификационных

признаков, позволяющих выявлять на основе татуировок главарей преступных групп и сообществ.

В целях идентификации по татуировкам членов преступных сообществ и отличия их от всех остальных граждан должен осуществляться комплексный анализ всех нательных надписей и изображений с определением объединяющих их признаков, указывающих на общность их содержания. В рамках такого комплексного анализа должны быть учтены все возможные виды татуировок по их направленности и исходному назначению, которые принято подразделять сигнально-обособительные, стратификационно-информационные, личностно-установочные, сексуально-эротические, сентиментальные (памятные), профессиональные и тюремные (воровские) [11]. Указанные виды татуировок могут дать взаимодополняющую информацию при использовании их значений в комплексном анализе личности носителя.

Процедура идентификации и анализа татуировок лидеров преступных сообществ строится на установлении изображений и их соотношении с ранее установленными значениями и общепризнанными классификациями, разработанными при исследовании татуировок уголовного мира. Такой анализ должен доказательно раскрыть в татуировках символы, свидетельствующие об авторитете и лидерстве подозреваемого лица в преступном сообществе (преступной организации). При этом при анализе татуировок необходимо дифференцировать традиционные «воровские» тату-символы от разного рода «художественных татуировок», получивших распространение в том числе в преступной среде за последние десятилетия.

Ввиду многообразия видов так называемых «тюремных татуировок» для получения относительно достоверной криминологически значимой информации о личности преступника одной из важнейших задач является разработка классификаций татуировок, позволяющих выявлять на их основе максимально возможный объем информации, имеющей конкретное значение для расследования, раскрытия и профилактики преступлений [6].

Все тюремные татуировки принято разделять на три основные группы:

1) означающие самоутверждение и/или подражание кому-либо (из числа значимых и популярных для преступных групп лиц). Данная группа раскрывает личностные ценности и преступные ориентации субъекта;

2) татуировки, связанные с какими-либо памятливыми местами или лично значимыми событиями, имевшими место в жизни носителя. Данная группа может раскрывать автобиографические детали;

3) татуировки, связанные с уголовным прошлым или желанием носителя подчеркнуть свой «уголовный статус» в криминальных группах. Данная группа позволяет определить реальные организационные и финансовые возможности их носителя [12].

Как правило, наибольший интерес в контексте криминологического исследования личности преступников представляют татуировки с «воровской атрибутикой», относимые к третьей группе: «перстни», «пауки», «купола», «демоны», «кресты», а также различные тюремные аббревиатуры. Они могут многое «рассказать» не только об истинном статусе их владельца в уголовной среде, но и предоставить важную информацию для прогноза дальнейших действий подозреваемого или выстраивания стратегии взаимодействия с ним в рамках оперативных, следственных мероприятий.

В научной литературе особое внимание уделяется критериям и методам, определяющим основные отличия «уголовных» татуировок от разного рода художественных нательных изображений [4]. Основными такими критериями выступают достаточно строгие правила локализации изображений на теле представителя преступных сообществ и повторяемость основных видов рисунков и ракурсов изображений ввиду их особого, устойчивого в рамках уголовного мира символического содержания и смыслового значения.

Такого рода «нательные записи», как правило, наносятся в полном соответствии с воровскими канонами при отбывании их носителя в местах лишения свободы. Даже если они выполнены кустарным способом и имеют

не вполне ясные очертания, они тем не менее становятся источником значимой для ведения расследования информации.

Однако следует признать, что сама идея разработки некой универсальной классификации утопична в силу множественности правил, условий, техники нанесения татуировок, а также разнообразия рисунков и отличительных знаков преступного мира.

Особое место и значение в современной криминологии имеет систематическая классификация татуировок, распространенных среди несовершеннолетних и молодых преступников. В этой связи представляется целесообразным разработать особую классификационную группу татуировок, объединяющих представителей тех или иных молодежных преступных группировок, в том числе экстремистских, которые получили широкое распространение в последнее десятилетие среди несовершеннолетних лиц. Подобные группировки, как правило, имеют отличительную символику, прямо или косвенно отражающую цели, ценности и убеждения их членов. Наличие татуировок в среде подростков с аддиктивным поведением может осознанно (или нет) использоваться ими как дополнительный канал коммуникации для сообщения вовне своих мировоззренческих взглядов и повышения своей значимости в привычной для них среде общения [3].

Тематическая направленность татуировок, зафиксированных на телах несовершеннолетних правонарушителей и молодых преступников, более разнообразна, что неизбежно затрудняет процесс их исследования и классификации. В силу возрастных особенностей все надписи, рисунки, изречения и аббревиатуры, которые наносят на тело представители молодежных преступных группировок, как правило, имеют более откровенную и более ярко выраженную символику, что позволяет применять к ним более расширенные трактовки и расшифровывать те криптограммы, которые предпочитают накалывать себе более возрастные и опытные преступники.

Следует отметить, что татуировки несовершеннолетних правонарушителей зачастую

наносятся ими более хаотично, под воздействием тех или иных сиюминутных эмоций и импульсов, под влиянием массовой моды и т.д. Таким образом, диагностика татуировок указанных лиц, включая трактовку отдельных символов, требует учета всех возможных особенностей подросткового сознания и молодежных установок.

При анализе молодежных криминальных татуировок следует учитывать ряд наиболее характерных для этих возрастных групп особенностей:

- наличие броской, «кричащей» символики, зачастую в ущерб смысловому значению татуировки; имеет место смешение и нагромождение всевозможных форм и образов;

- нанесение на тело всевозможных надписей, в том числе сентиментальных и юмористических, и аббревиатур (БЖСР!, МАГ, ЮДА, СЛОН и др.);

- нанесение татуировок в виде лаконичных дат-цифр или отдельных букв, в том числе «разорванные» татуировки (например, БР+АТ), по которым специалисты с определенной долей вероятности могут вычислять так называемых сообщников, соучастников преступлений;

- использование татуировок для отстаивания лидирующих позиций среди сверстников. В этой связи в специальных исследованиях верно указывается, что «попытки создания репутации «крутого» парня не заканчиваются в исправительном учреждении, поскольку продолжающийся процесс гендерной самоидентификации (идентичности) заставляет несовершеннолетнего либо совершеннолетнего, но молодого осужденного, использовать подобные психологические приемы для приобретения более высокого уровня неформальных привилегий – как в исправительном учреждении, так и за его пределами» [14, с. 89].

При верном подходе к анализу и классификации такой символики татуировка помо-

гает не только найти и идентифицировать всех субъектов преступного деяния, но и определить их типичные защитные реакции и поведенческие установки, а также спрогнозировать их возможные действия в случае вероятного межличностного конфликта, ареста и т.п.

Таким образом, татуировки, в отличие от других особых примет правонарушителей, выступают источником уникальной и криминологически значимой информации о личности преступника, что дает возможность специалистам правоохранительных органов не только идентифицировать неизвестного человека, получать сведения о физических и психологических особенностях носителя татуировки, но и относительно точно прогнозировать индивидуальные реакции и поведение указанных лиц в тех или иных ситуациях. В настоящее время существуют множество различных инструментов и методик, позволяющих успешно идентифицировать носителя конкретной татуировки, а также исследовать смысловое содержание перманентных рисунков и символов на теле для выявления, расследования и предотвращения преступных действий. Одним из таких инструментов является содержательно-символический анализ татуировок, основанный на сведениях, полученных при изучении криминальной субкультуры.

Анализ татуировок имеет важное значение для криминологического исследования личности преступника и задает направление дальнейшей розыскной и следственно-экспертной деятельности, а также в некоторой степени позволяет определить и правильно оценить общие ориентации и установки субъектов преступной деятельности и в зависимости от этого спланировать дальнейшие действия по расследованию и раскрытию уголовных дел.

Библиографический список

1. Анфиногенов, В.А. Субкультура осужденных и ее влияние на их поведение в условиях изоляции : дис. ... канд. юрид. наук / В.А. Анфиногенов. – Ставрополь, 2016.
2. Бронников, А.Г. Татуировки осужденных, их классификация и криминалистическое значение (альбом) / А.Г. Бронников. – М., 1980.
3. Бухна, А.Г. Татуировка у подростков с аддиктивным поведением как дополнительное средство коммуникации / А.Г. Бухна, А.Г. Бухна // Девиантология. – 2022. – Т. 6. – N 2 (11).
4. Давыдов, Е.В. Возможности отождествления человека по особым приметам – татуировкам / Е.В. Давыдов, В.Ф. Финогенов // Современные проблемы криминалистики и судебной экспертизы : материалы VI Всероссийской научно-практ. конф. – Саратов, 2018.
5. Дубягина, О.П. Культ Тату. Криминальная и художественная татуировка / О.П. Дубягина, Ю.П. Дубягин, Г.Ф. Смирнов. – М., 2003.
6. Зубов, В.В. Уголовная ответственность за занятие высшего положения в преступной иерархии: критический взгляд / В.В. Зубов // Пробелы в российском законодательстве. – 2021. – Т. 14. – N 2.
7. Кондратюк, С.В. Занятие высшего положения в преступной иерархии: конкретизация конструктивных признаков / С.В. Кондратюк // Законность. – 2021. – N 8.
8. Ломброзо Ч. Человек преступный: пер. с итал. / Ч. Ломброзо. – М., 2018.
9. Малюченко, Л.Г. Значение татуировок на теле человека при производстве габитоскопической (портретной) и лингвистической экспертиз / Л.Г. Малюченко // Академическая публицистика. – 2022. – N 5-1.
10. Пилявец, В.В. Криминалистическое значение татуировок : научно-практическое пособие / В.В. Пилявец, В.В. Шарун. – Калининград, 2006.
11. Пирожков, В.Ф. Законы преступного мира молодёжи / В.Ф. Пирожков. – Тверь, 1994.
12. Руденко, И.Н. Татуировки в преступном мире и современной моде / И.Н. Руденко // Вестник магистратуры. – 2018. – N 1-2 (76).
13. Сергиенко, А.С. О системе смысловой регуляции субъекта в контексте коррекционного воздействия на делинквентную личность / А.С. Сергиенко, П.В. Тепляшин // Вестник Сибирского юридического института ФСКН России. – 2016. – N 4.
14. Тепляшин, П.В. Маскулинная идентичность несовершеннолетних, отбывающих лишение свободы: постановка вопроса, содержательная характеристика и перспективы уголовно-исполнительного регулирования / П.В. Тепляшин // Вестник Томского института повышения квалификации работников ФСИН России. – 2022. – N 1(11).